

БЫЛИННОЕ ФАНТЕЗИ

БЫЛИННОЕ ФАНТЕЗИ

Александр МАЗИН

а также:

Андрей Ермолаев

Наталья Ильина

Алексей Келин

Марина Крамская

Анна Мезенцева

Владимир Орестов

Между Явью и Навью

Москва

Издательство АСТ

Пролог

Мстислав, великий князь киевский по праву меча и родства, прищурясь глядел на клубящуюся Тьму.

— Держится Кромка? — спросил он не поворачивая головы.

— Держится. До времени.

Его спутник, широкий в плечах, но худой, будто высушенный, воином не был. В обычном понимании. Но страшились его более, чем самого грозного богатыря.

Имя его было — Черномор. Черная Смерть. Смерть многих. Неотвратимая и страшная.

Назвали его так печенеги. И — прилипло. И стало гордостью.

Как говаривал Олег Вещий, сначала наставник, а потом друг Черномора: «Мы, стражи, добро для Руси. И нам должно быть страшней тех, кто зло. Иначе как победить?»

Он был мудр, Олег Вещий. И жил в те времена, когда Тот, Который Есть Любовь, еще не пришел на Русь.

Иногда Черномору думалось: лучше бы и не приходил. Чтобы никто не усомнился: есть только один путь — большей силы и большего страха.

© Александр Мазин, текст, 2022

— Митрополит Михаил сказал: «Христос спасет»,— без особой уверенности проговорил великий князь.

Черномор промолчал. Но Мстислав его и без слов понял.

Не Христос помог Мстиславу, когда тот умирал от волшбы брата. Брата, которого он пощадил там, на поле близ Листвена.

Черномор спас. Обратил проклятие на проклявше-го — и перешла мучительная смерть с одного брата на другого.

Но правы и христиане, когда говорят: зло порождает еще большее зло. Сгинул во тьме Ярослав Хромец. И, захлебываясь кровавой рвотой, умирая той смертью, что была уготована Мстиславу, успел-таки ненасытный братоубийца выхаркать последнюю волю: «Я вернусь!»

И вот он возвращается.

Спасет ли Тот, Кто сказал: «Каждому воздастся по вере его»?

Но крепка ли вера в Него на Руси?

Черномор знал ответ. Была б крепка — не истончилась бы Кромка меж Явью и Навью и не полезли бы мертвые в мир живых.

К счастью для мира, не одной лишь людской верой жива Русь, но — кровью верных.

К счастью для Руси, но не для них.

— Кровь отворяет врата, кровь их и закроет,— сказал Черномор Мстиславу три месяца назад, глядя на закатное небо с дозорной башни киевского детинца.— Кровь богатырей. Призови их, чтоб были они с нами, когда настанет срок.

— А когда он настанет? — спросил тогда Мстислав.

— По Боянову стиху, беда придет после Купалина дня,— ответил Черномор.

— Скоро совсем,— проговорил великий князь Мстислав Владимирович, прозванный Храбрым, и поежился, будто стало вдруг холодно под собольим плащом.

— Скоро,— согласился Черномор.— Ежегодно вижу его во сне.

— Брата моего? — спросил Мстислав.

— Нагельфар. Корабль мертвецов. Брат твой — тоже на его палубе. Вместе со своими нурманами.

— Мы убили их однажды! — жестко произнес Мстислав.— Убьем еще раз, если понадобится!

— Так и будет,— не стал спорить Черномор.— А пока вели гриди своей капищ более не жечь и жрецов старобожьих не бить. И другим не давать. К худу это.

— Я их и не бил никогда,— покачал головой Мстислав.— То отец мой и брат мой...

Он вспомнил брата своего Ярослава, его строгое лицо, дивно спокойное, когда Ярослав сказал ему там, на поле близ Листвена:

«Моя жизнь — в твоей власти, брат. И я ее принимаю».

— Я не пролил крови брата,— сказал Мстислав.— Я его простил. И смерть братьев наших ему простил.

— А другие — нет. Отец твой стол взял братоубийством! — по-вороньи хрипло каркнул Черномор.— Навлек проклятие на землю нашу и род свой. Вину его христианский бог на себя принял. Но что в том зачатоу в ненависти? Не мог стать преданным сыном тот, кто зачат силком в ночь великой крови. По обычаю Ярослав был в своем праве: мстить за деда, за дядьев, за мать...

— Христос говорит иное,— вздохнул Мстислав.

— Ты веришь? — спросил Черномор.

— Не мне о вере судить,— качнул головой Мстислав.— Мне о людях заботиться. Я — великий князь, но в час беды все ли за мной пойдут? Север помнит Ярослава. Их кровь на клинках моей дружины. Север против юга, христиане против язычников... Нам и умертвий не надо, чтобы кровь лить в уособицах.

— С христианами я договорился,— сурово произнес Черномор.

— Ты? — Мстислав удивился.

Кем только не полагали Черномора: ведуном, колдуном, жрецом вышних... Иные даже — стражем Калинова Моста. Но уж христианином его точно никто не считал.

— Митрополит Киевский Михаил в вере своей тверд. Но не слеп. Проникся. Наложил на богатырские знаки печать Веры.

— Христианской Веры? — уточнил Мстислав.

Черномор кивнул, но уточнил:

— Не обязательно быть христианином, чтобы принять знак. Главное — свобода от Тьмы. А мое плетение сотворит остальное: опознает истинного богатыря, веры родной и земли хранителя, достойного принять и силу, и бремя ее.

— И сколько их, знаков этих?

— Тридцать три. Более не требуется. А от тебя требуется: раздать их верным людям и отправить тех путями Бояновыми.

Мстислав поглядел на спутника, потом — на Тьму, и снова — на Черномора.

— Путями Бояновыми?

— Пророчество,— напомнил тот.

И вдруг заговорил нараспев, будто гусяр:

— Первым из призванных будет он, владыка клинков из закатного края, слуга престола каменного. И страшной станет служба его, и будет она точно замковый камень, выпавший из гнезда.

Проговорил, вздохнул, потер лоб:

— То первый будет, княже. А у второй даже имя названо: Залог. Еще сказано: глаза ее — как солнце в разрыве туч. Влага ее — дар непрошенный, знак ее — птах без имени, ибо неждан приход ее и нет ее в кругу призванных.

— Залог, значит? А у первого даже имя неизвестно.— Великий князь поглядел на чародея. Снизу вверх поглядел, хотя сам роста был немаленького.— И как их сыскать по таким стихам?

— Этих двух искать не надо. Сами найдутся. А где искать третьего — я знаю. Да ты и сам догадаешься.— И опять нараспев: — Сильный духом, верный роду двух рек, двух путей и двух солнц, встанет один против всех, но не падет на него тень крыльев сокола.

— Ты прав,— согласился Мстислав.— Знаю я, о ком речь. И где его искать — знаю. Но захочет ли он сам... отыскаться?

— Найдется,— уверил Черномор.— Ты, главное, воев подбери правильных. Вон Сувору поручи. Он — дотошный. Пусть проследит, чтоб слова правильные наизусть вызубрили. И чтоб с каждым отрядом непременно двое слуг божьих: старой веры и новой. Мы уж с владыкой Михаилом постараемся таких выбрать, чтоб силу имели и меж собой не передрались.

— Три десятка и еще три. Столько по Бояновому стиху. А скольких примут стоячие камни?

— Много званых, да мало избранных... — пробормотал Мстислав, глядя на черные с прожелтью клубы,

накрывшие степь, и вновь поежился. — Думаешь, Сувор? Он для войны хорош. А тут ведь не только воины. Жрецы нужны, монахи. Да так подобрать, чтоб в дороге не передрались.

— Это война и есть. Сувор справится! — отрезал Черномор. — Пришло время богатырей. Их время.

— Их или наше? — спросил Мстислав, не сводя глаз с Тьмы.

— Их, — тихо, почти шепотом, произнес Черномор. — Наше на исходе. — И добавил уже совсем беззвучно: — Здесь — на исходе.

Александр Мазин

Душегуб

Сильный духом, верный роду двух рек,
двух путей и двух солнц, встанет один про-
тив всех, но не падет на него тень крыльев
сокола.

Бояново пророчество. Стих седьмой¹

На крыльцо вышли трое. Немолодой уже, толсто-
усый гридень, с золотой гривной великого князя киев-
ского на груди, черный, как ворона, длинный и тощий
монах и плечистый, с распущенной по плечам гривой
жрец-волох², с посоха которого щерилась по-доброму
собачья голова с ушами-крыльями.

Толпа загомонила. Соседство монаха и жреца людям
было удивительно.

¹ Здесь и далее автор эпиграфов Александр Мазин.

² *Волох* — служитель бога Волоха (Волоса, Велеса). — *Здесь и далее примечания авторов.*

— Люд плесковский! Слушай! — закричал глашатай воеводы, дородный, важный, издали похожий на боярина. — Великокняжье повеление! Слушай!

Толпа утихла. Всем было интересно: что киевские скажут? На дай боги, новый налог какой назначили...

Не налог. Хуже.

— Я — голос великого князя киевского Мстислава Владимировича! — грозным басом прогудел гридень. — Он говорит: «Сбывается пророчество Бояново! Истончилась грань между Навью и Явью¹, землей и Преисподней! Порushены границы меж мирами людей и тварей! Злая сила идет на крепость земли Русской! Страшная сила!»

Воин умолк. Эхо его голоса несколько мгновений металось по площади, а потом утонуло в рокоте толпы.

Князь плесковский² Турбой, в крещении Константин, невысокий, смугловатый, лицом и статью более схожий с матерью, чем с отцом-варягом, убитым свеями покойного Ярослава, выждал некоторое время, потом махнул рукой — и, перекрывая шум, поплыл над головами звон вечевого била.

Взвились и закаркали воробы, вечные алчные спутники человеческих толп.

— Тише! — взвился крик глашатая.

— Русь сильна! — рявкнул воин Мстислава. — Великий князь, дружина его, люди его уже встали на пути вражьем! Однако не устоять им, ежели не поднимутся рядом с ними лучшие, богатыри русские, вои славные да люди мудрые, тайны ведающие! Так сказано Бояном Вещим! Так тому и быть!

¹ *Явь* — мир живых, *Навь* — мир мертвых.

² *Плесков* — старинное название города Пскова.

— Потому мы здесь, люди плесковские! — подхватил речь воина монах. — Избрать угодных и указать им истинный путь!

Выговор у монаха был правильный. Не ромей, значит. Из русов.

— Говорит Господь: много званых, да мало призванных!

— Нам ваше призвание — до курьей гузки! — пронзительно выкрикнул кто-то из толпы. — Все вы, киевские, под себя тянете! Отощали совсем от поборов ваших!

— То-то ты отощал, Кошель! — хохотнул Турбой. — Аж брюхо в кафтан не влазит!

— А я не за себя! — Крикун протолкался вперед. — Я за люд плесковский радею! Зло, слышь, оно везде лезет, не в одном лишь Киеве ихнем. Вот вчера на выселках упырь мальчика уволок! На Ситней гати водяники целый обоз сгубили! А ты — в Киев! Киев ваш и так крепок. А ты еще и воев с нас требуешь! Свой град защитишь, а наш — падет! Так я говорю, люди плесковские?

Толпа одобрительно загудела.

— А еще тати Хилька с зимы озоруют! Людей наших как курей режут! А ты, князь, их извести не можешь! Что молчишь? Я правду говорю!

— Знаю! — рывкнул Турбой. — Перуном... и Христом клянусь: убивцам смерть будет! Скорая и неминуемая!

— Это ж когда будет! — закричали из толпы.

— Киевским — лучших людей, а нашим — пропадать! — завопил Кошель, срывая с головы шапку.

Турбой погладил усы, чтобы скрыть усмешку. Скрыть от киевских.

— Нет тут ваших и наших! — надрываясь, закричал Мстиславов гридень. — Есть вся земля Русская! Она как

крепость, которую оборонить нужно! Но Киев — врата той крепости! На врата — самый страшный удар! Падут врата — вся крепость врагу отдастся!

Его не слушали. Толпа вновь загудела. Похоже, не убедил ее киевлянин.

И тогда вступил волох.

Вскинутый посох сверкнул. Может, сам, а может, солнце отразилось в глазах-рубинах пса-семергла.

— Хорош орать,— вроде негромко, но слышно всем произнес волох.— Не дружину ж мы вашу уводим. Может, одного позовем, может — двух, а может, и никого. Может, и не родила земля ваша годного для лучшей рати. Вы нас услышали. Завтра здесь же ждем охотников. Или... — Волох ухмыльнулся.— Охотниц.

— А если не захочет никто? — Кошель присмирел, нахлобучил шапку на голову, но уняться никак не мог.— С чего бы нашим молодцам денежки тратить да ноги топтать? А если убьют по пути? Сами ж сказали: зло повсюду!

— А затем, что князь Мстислав в дружину к себе зовет! — возмутился воин.— То честь великая!

— А я от себя обещаю: ежели найдется достойный среди вас, людей плесковских, дам я ему на прокорм дорожный гривну серебром и коня! — подал голос Турбой.

Толпа разом успокоилась. Гривна — деньги немалые. А еще и конь. Каждый теперь прикидывал: как бы он употребил это богатство.

— А помимо того, будет ему от великого князя и Господа нашего полное прощение за все, явное и тайное. И велено будет всем власть имущим содействовать в пути, долгов не спрашивать и обид не чинить под страхом княжьего гнева! — выкрикнул уже монах.— И в том

дан будет ему знак великокняжий, в Святой Софии запечатленный!

— А еще оберег волшебный,— вступил волох.— Лично от меня.

— Все слышали, люди плесковские? — не прибегая к помощи глашатая, осведомился Турбой.

В ответ — нестройный, но вполне дружелюбный ропот.

— Охотники на гривну мою и прочие полезности пускай завтра пополудни к детинцу подходят. Там их посланцы великокняжьи пытаться будут!

— А что ж за испытание? — крикнули вразнобой не менее полдюжины плесковцев.

— А простое! — ответил им уже монах.— Годен ты Богу да Добру служить или нет!

— И кто ж такое скажет?

— Бог и скажет! — Монах сделал строгое лицо.— Моими грешными устами!

— А я б, княже, уста медом иль пивом смочил,— вполголоса сообщил Турбою усатый гридень.— Две седмицы в дороге, руки с меча не снимая. В горле от пыли уж кроты завелись.

— Будет,— тоже вполголоса пообещал Турбой.— И питье, и яства, и банька тоже. А скажи: волох ваш, он только женской волшбой владеет или только...

— Я всякой владею,— услышал жрец.— Только бог мой зазря тревожить его не дозволяет.

— Сочтемся,— пообещал плесковский князь.— У меня немного алатырь-камня¹ осталось. Сгодится?

¹ *Алатырь-камень* — янтарь. Использовался для языческих воскурений, поскольку горюч.